

О БОГОСЛОВСТВОВАНИИ МІРЯНЪ ¹⁾.

Многіе изъ тѣхъ новыхъ объясненій и отгѣнковъ, которыя внесли въ Православное Богословіе Хомяковъ и Самаринъ, остаются еще и не отвергнутыми и не принятыми Церковью нашею.

Не вдаваясь здѣсь въ спеціальныя и серьезныя разсужденія по этому вопросу, я скажу только кратко мое личное мнѣніе объ этихъ двухъ мірскихъ или свѣтскихъ богословахъ нашихъ. При всей моей готовности подчиняться въ дѣлахъ религіозныхъ мнѣніямъ православнаго духовенства, я не могу никакъ согласиться съ тѣми изъ духовныхъ пастырей нашихъ, которые хотятъ у вѣрующихъ мірянъ отнять право богословствовать.

Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что о высшихъ духовныхъ вопросахъ не должны разсуждать люди, не имѣющіе духовнаго сана. Такого мнѣнія былъ, между прочимъ, и покойный отецъ Климентъ Зедергольмъ, (котораго біографію, какъ извѣстно, я издалъ). У меня есть написанная его рукою замѣтка въ этомъ духѣ по поводу сочиненій А. С. Хомякова. Мнѣніе же Зедергольма важно въ этомъ случаѣ не столько потому, что онъ былъ сперва магистръ филологъ Московскаго Университета, а потомъ чрезвычайно начитан-

¹⁾ Настоящій „отрывокъ“ безъ заглавія и конца найденъ нами въ бумагахъ К. Леонтьева. Это черновой набросокъ одной изъ неоконченныхъ главъ „Записокъ Отшельника“, печатавшихся въ Гражданинѣ 1888 г. съ подзаголовкомъ „Влад. Соловьевъ противъ Данилевскаго“. Въ числѣ другихъ онъ войдетъ въ VII-й томъ печатающагося собранія сочиненій К. Леонтьева.

ный въ св. отеческихъ книгахъ монахъ, сколько потому, что личный складъ его ума и характера склонялъ его къ крайней богобоязненности въ дѣлахъ вѣры и онъ не позволялъ себѣ ни на волосъ отклоняться отъ того, что слышалъ отъ оптинскихъ старцевъ. Не знаю, читали ли Хомякова нынѣ въ Бозѣ почившіе великіе Оптинскіе учителя: Макарій, Моисей и Антоній. Богословскія сочиненія въ то время изданы не были, но эти старцы могли, быть можетъ, имѣть довольно ясное понятіе о духѣ и взглядахъ Хомякова, черезъ посредство Ивана Васильевича Кирѣевского, который жилъ въ своемъ имѣніи недалеко отъ Оптиной и былъ очень близокъ со всѣми этими духовными дѣятелями. Очень можетъ быть, и даже всего вѣроятнѣе, что Климентъ слышалъ отъ нихъ подобное мнѣніе, отрицающее право мірянъ на богословствованіе. Я говорю, всего вѣроятнѣе потому, что едва ли бы благоговѣвшій такъ безусловно передъ духовниками Оптинскими Климентъ рѣшился бы самъ отъ себя такъ рѣшительно говорить объ этомъ.

Благоговѣю и я передъ памятью и передъ мнѣніями этихъ великихъ духовныхъ отцевъ, но все-таки не такъ безусловно какъ благоговѣлъ Климентъ; (быть можетъ потому, что я не монахъ и *клятвы отреченія*, подобно ему, не давалъ). Но во всякомъ случаѣ я позволяю себѣ раздѣлить мысленно нравственно-аскетическій авторитетъ ихъ отъ отвлеченно-богословскаго и отъ церковно-историческаго. Когда коснется до послѣднихъ двухъ отраслей Боговѣденія я считаю себя въ правѣ принимать въ расчетъ взгляды и такихъ современныхъ образованныхъ священниковъ, какъ напр. о. Иванцовъ-Платоновъ, и такихъ мірянъ, какъ покойные Хомяковъ и Самаринъ или какъ нынѣ здравствующие г.г. Филипповъ и Влад. Соловьевъ. И если мой умъ и сердце чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ, больше удовлетворяются или въ статьяхъ от. Иванцова-Платонова и „Православнаго Обзоренія“ (*позднѣйшихъ годовъ*) или во взглядахъ Хомякова, Самарина, Т. И. Филиппова и Вл. С. Соловьева, если они (т. е. умъ и сердце мое) удовлетворяются этимъ болѣе, чѣмъ взглядами Оптинскихъ отцевъ на этотъ самый предметъ, то я, даже и при полнѣйшей готовности подчинить *мою личную жизнь* волѣ избраннаго духовнаго старца, *умъ мой* оставляю свободнымъ и свободномыслящимъ въ предѣлахъ извѣстнаго и мнѣ и

другимъ общеправославнаго догмата и преданія. Я понимаю это дѣло такъ: человекъ, признавши надъ своимъ личнымъ поведеніемъ власть духовника или старца долженъ и не писать и не читать даже о томъ, что этотъ старецъ нашель для него лично не полезнымъ, или душевредительнымъ; но сами по себѣ эти, ему запрещенные взгляды, мнѣнія, книги и т. д. могутъ сохранять въ глазахъ его свое общее достоинство, удовлетворяющее его уму. „Не теперь, такъ позднѣе это будетъ принято Церковью“ можетъ думать про себя и этотъ независимый мыслью человекъ, свободно подчинившій свою волю личной святости другого человека, котораго онъ счелъ этого достойнымъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, если бы сами отцы Леонидъ и Макарій, родоначальники Оптинскаго старчества, или лишь имъ близкій и недавно только скончавшійся истинно великій духовникъ и подвижникъ Аѳонскій Іеронимъ, если бы они всѣ сказали мнѣ то, что говорилъ Климентъ, то есть, что міряне, люди, не имѣющие духовнаго сана, не должны писать о высшемъ богословіи и вообще о важнѣйшихъ церковныхъ вопросахъ, то я отвѣтилъ бы имъ:—Извольте, я самъ не буду писать объ этомъ, да я къ тому же и не богословъ и вообще не очень ученъ. Потери отъ моего молчанія никому большой не будетъ. Не подчиняя вамъ своей грѣшной мірской воли, я побоюсь приложить къ старымъ грѣхамъ моимъ еще новый грѣхъ никому ненужной моеї умственной гордости; но относительно другихъ мірянъ скажу вотъ что: чѣмъ же я виноватъ, что г. Филипповъ напримѣръ (мірянинъ) *одинъ во всей Россіи* 70-хъ годовъ возвысилъ свой голосъ печатно противъ болгарскихъ каноническихъ притязаній и осмѣлился одинъ стать на сторону греческаго духовенства? *Теперь* всѣ болѣе или менѣе съ нимъ согласны. Или еще: какое *послушаніе* личной подчиненной воли не можетъ мой умъ убѣдить въ томъ, что г. Соловьевъ не правъ, когда говоритъ, что и Православная Церковь „развивалась“ въ эпоху Вселенскихъ Соборовъ и что она может и *должна* даже (если у нея это уже не отнято свыше) снова развиваться и слѣдовательно *жить*. Единственную внѣшнюю уступку, которую я могу сдѣлать, это называть „развитіе“ „раскрытіемъ“, какъ выражаются по этому случаю болѣе или менѣе „официально“ противники г. Соловьева. Выраженіе это менѣе вѣрно, точно и ясно, чѣмъ „развитіе“, но будемъ

такъ говорить, ибо сущность дѣла отъ этого не измѣнится. И цвѣтокъ, „развивающагося“ растенія *раскрывается*. И младенецъ, скрытый въ утробѣ, *развившись, обнаруживается* „разверзаетъ ложесна“, на Божій свѣтъ.

Ограничивать всю жизнь Церкви однимъ охраненіемъ того, что уже извѣстно, понятно, общепринято и ясно, было бы или равнодушіемъ или упорствомъ не по разуму; это значило бы обречать Церковь пожалуй что и на полное безсиліе.

Положимъ, что намъ сказано: „подъ конецъ“ останется мало „избранныхъ“, но такъ какъ намъ сказано тоже, что *овернаго* срока *этому концу* мы знать не будемъ до самой *последней* минуты, то зачѣмъ же намъ прежде времени опускать руки и лишать свою Церковь всѣхъ тѣхъ *обновляющихъ* реформъ, которыми она обладала въ ея лучшія времена, отъ сошествія Св. Духа до великой побѣды иконопочитанія надъ иконоборчествомъ и т. д. и т. д.

Міряне (прибавилъ бы я, все возражая почтительно великимъ и удаленнымъ отъ міра *охранителямъ*) міряне, напротивъ того, могутъ и должны мыслить, и писать о *новыхъ* вопросахъ, и потому, что они обязанностями *сана* не связаны, и потому еще, что слово ихъ не имѣетъ той *болѣе* обязательной силы, которую, для вѣрующихъ читателей, всегда будутъ имѣть слова патріарха, епископа, или духовнаго старца, уважаемаго подвижника. Мыслить и писать о *новомъ* мірянину надо, не надо только ему считать свой образъ мысли *непогрѣзительнымъ*. Надо умѣть (публично даже, если нужно) отказаться отъ него, если *признанныя* церковныя власти открыты и властно его отвергаютъ. Позволительно даже, пожалуй, утѣшаться внутренно или тѣмъ, что *часть* принятія этихъ мыслей, по смотрѣнію Божию, *еще не пришелъ*; или хотъ тѣмъ, на что я выше указывалъ: *мнѣ самому*, тоже по Высшей Волѣ, душеспасительнѣй теперь замолчать и покориться. Такія временныя пріостановки не исключаютъ ни движенія, ни даже позднѣйшаго какого нибудь приближительнаго торжества.

Вотъ въ этомъ то смыслѣ я полагаю, что и труды Хомякова и Самарина принесутъ частью отрицательные, частью же и положительные плоды. Давно ли они, эти замѣчательныя сочиненія, стали занимательными для русскихъ умовъ?

Имъ предстоитъ еще распространіе; онѣ однѣ еще могутъ пробудить нѣкоторую борьбу „на почвѣ не только *національно-русской*“, но и на Восточно-культурномъ, *греко-россійскомъ* и обще *славянскомъ* поприщѣ. Перешли ли на примѣръ ученые чехи цѣлыми сотнями въ православіе? А если они *начнутъ переходить*, хотя бы сначала движимые лишь *племенными увлеченіями*? Развѣ оттуда (или отъ Хорватовъ) нельзя уже вовсе ждать замѣчательныхъ трудовъ по части того, что Соловьевъ зоветъ „*національной мистикой*“. Неужели и всѣ эти великіе въ жизни психической *толчки* произойдутъ въ бездарномъ безмолвіи?

К. Н. Леонтьевъ.

Сообщилъ прот. Іосифъ Фудель.
